

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОПОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОПОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-8-22

УДК 316.33

Сопrotивление социального ландшафта: «варварство» и «цивилизация» в социальном пространстве

Дмитрий Олегович Труфанов

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии,
Институт педагогики, психологии и социологии,
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ)
ORCID: 0000-0002-5946-7479; WoS ResearcherID: AAJ-6463-2020
dtrufanov@sfu-kras.ru

Аннотация. В статье обсуждается содержание понятия «социальный ландшафт», рассматривается структура социального ландшафта и функции его элементов. Автор подвергает анализу соотношение понятий «географический ландшафт», «социокультурный ландшафт» и «социальный ландшафт». Определяющим признаком социального ландшафта признается ценностно-нормативная структура, которая регулирует социальные отношения акторов, действующих в социальном пространстве конкретной локации. Изменение данной структуры приводит к движению социального ландшафта, его переходу из одного состояния в другое. В качестве структурных элементов социального ландшафта автор выделяет центр и периферию, где центр связан с ценностно-нормативными установлениями государства, а периферия выражена в виде множественных альтернативных ценностно-нормативных структур и идентичностей, формирующихся в местных локальных сообществах. С позиции государственноцентричного дискурса центр социального ландшафта ассоциирован с цивилизацией и цивилизационным развитием, периферия — с варварством в его современном прочтении. Варварство в социальном пространстве определяется как совокупность практик социального поведения, обусловленных альтернативными ценностно-нормативными структурами, выходящими за пределы государственных установлений. Области варварства в социальном ландшафте связаны с повышенным уровнем девиации, ослабленным социальным контролем и затрудненным проникновением государственных норм и ценностей. Такие области несут риски разрушения ценностно-нормативных структур центра социального ландшафта. Сопrotивление социального ландшафта состоит в существовании барьеров коммуникации, препятствующих проникновению ценностно-нормативных структур центра в периферийные области. Барьеры связаны с существованием альтернативных государственным ценностно-нормативных структур и идентичностей. Области варварства и цивилизации в социальном ландшафте находятся в отношениях взаимодополнительности и выполняют ряд необходимых функций по отношению друг к другу: формирование и поддержание социокультурной идентичности, укрепление и развитие форм социального контроля, функцию социального обмена.

Ключевые слова: социальная структура, социальное пространство, социальный ландшафт, ценностно-нормативные структуры, центр-периферийная полярность, варварство и цивилизация, социальная идентичность.

ВВЕДЕНИЕ

«Сопротивление ландшафта» — этот термин использовал Дж. Скотт, чтобы показать наличие естественных границ между равнинными и горными социальными общностями в Юго-Восточной Азии [15, 16]. В данном случае речь идет о географическом ландшафте, который определяется как участок земной поверхности, содержащий однородный по происхождению комплекс естественных условий (рельеф, почва, климат и др.) и отделенный от других участков естественными границами. Его сопротивление заключается в существовании географических препятствий для коммуникации между общностями, проживающими в разных ландшафтах. Таким препятствием, к примеру, являются горы. Так, в доцифровую эпоху социальный порядок, установившийся в оседлых равнинных обществах, в основном не распространялся на локальные горные общности ввиду труднодоступности местности, в которой они проживают. «Цивилизация не может подняться в горы» (Ф. Бродель), т. к. естественные географические препятствия, встречающиеся на этом пути, делают экспорт моделей социального порядка равнинных обществ в горные районы трудно выполнимым и поэтому нецелесообразным. Вследствие этого образ жизни и социокультурные черты горных общностей существенно отличались от равнинных и преимущественно обуславливались особенностями естественных условий их проживания.

Но Дж. Скотт делает иной вывод, согласно которому горные общности и их образ жизни являются не продуктом естественных условий, а группами, сознательно выбравшими безгосударственный образ жизни и использующими естественные условия как средство его защиты от экспансии государства. На наш взгляд, это означает, что основным фактором, дистанцирующим горные общности от равнинных, высту-

Цитирование: Труфанов Д. О. Сопротивление социального ландшафта: «варварство» и «цивилизация» в социальном пространстве / Д. О. Труфанов // *Siberian Socium*. 2020. Том 4. № 1 (11). С. 8-22.
DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-8-22

пает сопротивление не географического, а *социального ландшафта, который выражен в виде альтернативных ценностей, моделей поведения, социальной организации общностей и групп*. Подобно сопротивлению географического ландшафта, в социальном пространстве существует сопротивление социального ландшафта с той разницей, что в первом случае препятствием для коммуникации выступают естественные ограничения (рельеф, климат, особенности территории), а во втором — искусственные (альтернативные ценностно-нормативные системы, поведенческие модели, способы организации социальной жизни). Подобные искусственные ограничения создают в социальном пространстве своего рода «рельеф», оказывающий влияние на количество и качество социальных связей. Эти ограничения задают структуру социального пространства, в которой выделяются центр и периферия, обладающие определенным функционалом. Как мы постараемся показать далее, этот тезис открывает дополнительные возможности для анализа современных социальных процессов. Такое рассмотрение, с одной стороны, может способствовать более глубокому пониманию структурно-функциональных характеристик социального пространства современных обществ, с другой — предлагает точку зрения для анализа современных социальных процессов, происходящих при переходе обществ к постсовременному состоянию.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Теоретический инструментарий, который необходим в обсуждении заявленной темы, включает дефиниции понятий «социальное пространство» и «социальный ландшафт», «центр-периферийную» теоретическую модель и тезис о сопротивлении социального ландшафта, который следует из концепции Дж. Скотта.

1. Наиболее общим в нашем исследовании выступает понятие *социального пространства*. Его концептуализации предложены в работах многих авторов. П. Бурдьё характеризует социальное пространство как совокупность социальных полей [3, с. 15-17], Г. Е. Зборовский — как совокупность взаимодействия социальных общностей [8, с. 16-20], П. А. Сорокин — как совокупность социальных групп, их внутренних и внешних связей [19, с. 297-302]. Анализ подходов показывает, что существенным признаком социального пространства признаются социальные связи, осуществляющиеся в пределах границ различной локализации — региональных, государственных, муниципальных и т. д. Совокупность таких связей выступает средой, контекстом, в котором реализуются социальные процессы. Такое понимание социального пространства — как совокупности социальных связей между акторами в конкретной локации — мы применили ранее для исследования миграционного пространства региона, что, на наш взгляд, принесло вполне удовлетворительные результаты.

2. Способом оформления социального пространства выступает *социальный ландшафт*. Понятие социального ландшафта не является устоявшимся в социальных науках, его содержание дискутируется различными авторами. При этом оно нередко употребляется в научных публикациях [1, 5, 14, 18, 23, 26, 28, 29]. Наиболее операциональное, на наш взгляд, определение предложено Г. Н. Шумкиным и Т. Г. Шумкиной. С точки зрения данных авторов, социальный ландшафт — это общественная структура, специфическая по происхождению и по организации, локализованная на определенной территории. Социальный ландшафт конкретной территории отличается наличием присущих только ей социальных групп, а также специфических законов, регулирующих права и обязанности этих групп [25]. В дополнение к этому определению укажем, что конституирующую социальный ландшафт функцию выполняют не только установленные законы, т. е. формальные правила поведения социальных акторов, но и неформальные — нормы, ценности, модели поведения, которые не имеют

юридического оформления, возникают в ходе реальных социальных взаимодействий и являются устойчивыми в течение длительного времени. Таким образом, *социальный ландшафт в нашем обсуждении мы будем понимать как совокупность социальных акторов (социальных общностей различных видов), действующих на конкретной территории в сложившихся на этой территории ценностно-нормативных условиях*. Иными словами, социальный ландшафт конкретного социального пространства составляют социальные акторы, способы их взаимодействия, а также ценности и нормы, которые эти взаимодействия регулируют и направляют. В отличие от социального пространства, которое представляет собой совокупность социальных связей между акторами в конкретной локации, *социальный ландшафт обусловлен характером ценностей и норм, актуальных в данной локации в данное время и задающих формы, способы, особенности социальных связей*. Изменение ценностно-нормативных условий влечет частичную или полную трансформацию социального ландшафта. В таком понимании социальный ландшафт отличается от культурного или социокультурного ландшафта: если понятие «социокультурный (культурный) ландшафт» указывает как на природные, так и на антропогенные элементы и обозначает отношение социальной общности к естественным условиям проживания, то понятие «социальный ландшафт» выражает совокупность *социальных условий*, которые складываются на определенной территории.

На глобальном уровне для характеристики международных отношений используется понятие международного ландшафта. Оно обозначает совокупность международных акторов и отношения между ними в конкретных нормативно-ценностных условиях, а трансформация международного ландшафта связывается с появлением новых акторов и их влиянием на систему международных норм и отношений [17, с. 389].

3. Релевантным инструментом анализа социального ландшафта выступает *теоретическая модель «центр — периферия»*, которая применялась многими авторами для анализа различных

политических, экономических и социокультурных процессов [4, 27, 30]. Основным постулат данной модели — утверждение о центр-периферийной полярности, с точки зрения которого в социальном пространстве выделяются области большей и меньшей концентрации акторов, социальных связей, власти, ресурсов, коммуникации.

Различение центра и периферии в социальном пространстве становится возможным с позиции *государственноцентричного дискурса*, сформировавшегося исторически и преобладающего в общественных науках. Это важное обстоятельство, т. к. оно задает образы центра и периферии в общественном сознании. Общественные науки — продукт рефлексивных практик главным образом оседлых равнинных обществ, осмысливающих собственное существование и развитие. Исторически такие общества формировались в городах, где складывались необходимые для развития философской и научной социальной мысли условия. Закономерно, что в этих обстоятельствах города определялись как центры социального порядка, государственного строительства, области перспективного цивилизационного развития. Общности, проживающие за пределами городов, в горной местности или зонах неблагоприятного климата, маркировались как выходящие за пределы социального порядка и, тем самым, за пределы цивилизации, которая отождествлялась с городским социумом. В результате в основных нарративах общественных наук сформировалась оппозиция «цивилизация и варварство», где цивилизация ассоциировалась с социальным порядком более многочисленных и распространенных равнинных обществ, варварство — с малочисленными локальными горными общностями, обладающими неустойчивой идентичностью, гибкими иерархическими структурами и множественностью социокультурных моделей организации социальной жизни [16, с. 152-169].

4. Тезис, позволяющий рассматривать социальный ландшафт как отдельную категорию, содержится в исследовании Дж. Скотта. Согласно его утверждению, общности, проживающие в труднодоступной горной местности, представляют собой не отсталые в эволюционном отно-

шении общества, государственность которых — предстоящий и необходимый этап развития, а общества, сознательно избравшие безгосударственный образ жизни, свободный от регламентации и принуждений, связанных с функционированием государства. Они предпочли другой образ жизни, основанный *на иных ценностях, нормах и моделях поведения*, и целенаправленно вышли за пределы «цивилизации». С нашей точки зрения, из этого тезиса, при всей его дискуссионности, следует, что не географический ландшафт как таковой выступил препятствием, помешавшим экспорту социального порядка равнинных обществ в горные. Таким препятствием стали альтернативные государственным ориентации и модели поведения отдельных социальных общностей, выбравших иные способы организации и осуществления социальной жизни. Эти препятствия и создают своего рода «рельеф» в социальном пространстве — альтернативные ценностно-нормативные структуры, поведенческие модели, выступающие барьерами для коммуникации, снижающие количество и качество социальных связей. Таким образом, труднодоступный географический рельеф для горных общностей выступил не в качестве причины их дистанцированности от государства, а в качестве средства, создающего возможности реализации безгосударственного образа жизни.

Насколько Дж. Скотт прав в своем утверждении — вопрос дискуссионный. Мы не ставим целью верификацию его выводов на каком-либо эмпирическом материале. Но сама идея существования социального ландшафта с характерным «рельефом», вытекающая из его выводов, представляется достаточно продуктивной. Далее мы постараемся в общих чертах показать теоретическую перспективу, которая открывается при использовании этой идеи для понимания современных социальных процессов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Общество как социальная система существует в конкретных географических условиях — географическом пространстве с присущим ему естественным ландшафтом. В географическом

пространстве размещается социальное пространство, в котором сменяют друг друга различные социальные ландшафты. В разных социальных пространствах формируются характерные для них социальные ландшафты, которые могут существенно отличаться друг от друга. В качестве примера сравните социальные ландшафты крупного города и небольшого сельского поселения. Подробную иллюстрацию особенностей социального ландшафта крупного города дал Г. Зиммель [9]. Или сравните социальные ландшафты таких государств, как Монако, Сомали и КНДР в их современном состоянии. Различия социальных ландшафтов в разных локациях могут быть связаны со многими факторами, среди которых особенности этнического состава населения, тип политической организации общества, особенности культуры, менталитета, идеологии, характер профессиональной структуры, интенсивность миграционных процессов и др.

Социальный ландшафт значительно менее устойчив и более динамичен, по сравнению с географическим: географический ландшафт без вмешательства человека меняется относительно слабо и в течение длительного времени. Напротив, социальный ландшафт обусловлен активностью человека и находится в непрерывном движении. Поэтому в условиях одного и того же географического ландшафта могут сменять друг друга разные социальные ландшафты. Трансформация социальных ландшафтов происходит вследствие изменения ценностно-нормативных

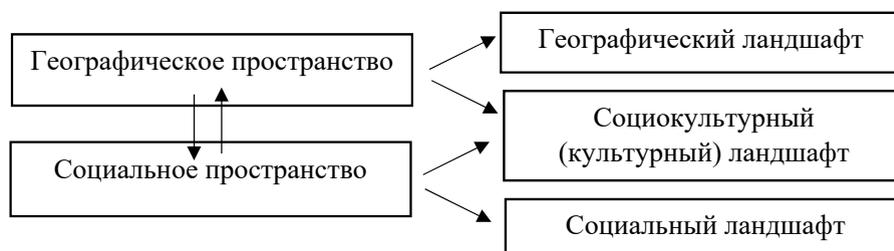
основ социальных связей в конкретном обществе. Примерами могут служить процессы смены социально-политических систем на территории какого-либо государства. В современной истории нашей страны такие трансформации связаны с переходами от Российской империи к Советской России, от СССР к Российской Федерации. В результате этих переходов произошли изменения социального ландшафта общества — социальных норм и ценностей, задающих основные модели социального поведения, социальной структуры и способов организации социальной жизни.

Наряду с понятиями географического и социального ландшафта в литературе используется понятие социокультурного (культурного) ландшафта. С его помощью исследователи обозначают результат изменения географического ландшафта в ходе целенаправленной деятельности человека. Социальная общность воздействует на естественные условия, в которых она находится, приспособляя их к своим нуждам и ценностям. Примерами могут служить город или садово-парковая культура.

Соотношение содержания понятий «географический ландшафт», «социокультурный ландшафт» и «социальный ландшафт» представлено на схеме на рис. 1.

Географическое и социальное пространства — два ключевых фактора, задающих условия существования и развития социальных систем. Взаимонаправленные стрелки между ними указывают на взаимное влияние. Данные факторы обуслов-

Рис. 1. Соотношение содержания понятий «географическое пространство», «социальное пространство», «географический ландшафт», «социокультурный (культурный) ландшафт», «социальный ландшафт»
 Fig. 1. The relationship between the notions “geographical space”, “social space”, “geographical landscape”, “sociocultural (cultural) landscape”, and “social landscape”

ливают существование трех типов ландшафтов, в условиях которых существует социальная общность, — географического, социального и социокультурного (культурного). Такое их различие позволяет указать на характерные для них свойства и специфику подходов к их изучению. Географический ландшафт — свойство географического пространства, комплекс естественных условий, сложившихся на конкретной территории. Его исследование требует применения естественнонаучных подходов и методов. Социальный ландшафт — атрибут социального пространства, выражающий комплекс социальных взаимодействий, сложившихся в конкретных ценностно-нормативных условиях. Исследование социального ландшафта требует использования социологического подхода. Социокультурный (культурный) ландшафт формируется на стыке двух пространств — социального и географического и выражает отношение конкретного социума к естественным условиям проживания. Его изучение осуществляется с позиции парадигм, интегрирующих естественнонаучные и социологические подходы (антропогенное ландшафтоведение, культурная география [7, 11]).

Таким образом, процесс существования и развития общества связан с формированием и изменением социальных ландшафтов, выражающих актуальные ценностно-нормативные условия связей между акторами в социальном пространстве.

Социальный ландшафт содержит как минимум два ясно различимых структурных элемента — центр и периферию. Центр отличается наиболее плотной концентрацией социальных акторов, их связей, более устойчивой и жесткой нормативной средой. Центр социального ландшафта в обществе, рассматриваемом в пределах государственных границ, связан с эффективным функционированием правовых норм, а также методов формального социального контроля, которые выступают основой социального порядка. Как правило, такие центры находятся в городах, где расположены органы государственной власти и эффективно функционируют институты социального контроля — правоохранительные орга-

ны. В центрах социального ландшафта государственные законы и правила обладают большей принудительной силой в том смысле, что социальные акторы скорее отдадут приоритет государственным установлениям при реализации социального поведения. Акторы, действующие в центре социального ландшафта, обладают более высоким уровнем гражданской идентичности, что выражается в их действиях с позиции статуса гражданина государства.

Периферия социального ландшафта выражена в существовании социальных акторов — индивидов, групп, организаций, деятельность и поведение которых обусловлены альтернативными государственным нормами и ценностями. Здесь акторы обладают иными идентичностями — этнической, религиозной, территориальной, криминальной и др., которые задают соответствующие им модели социального поведения. Так, если некоторый условный наблюдатель приедет из краевого или областного центра в отдаленное сельское поселение, он, скорее всего, увидит, что поведение его жителей в основном обусловлено сложившимися в местном сообществе нормами, правилами и практиками социальной жизни, не обязательно корреспондирующими с государственными установлениями. Формальный социальный контроль в таком местном социуме, как правило, слабее, по сравнению с центром социального ландшафта, а территориальная идентичность (ощущение себя жителем своего населенного пункта), напротив, имеет большую выраженность. Эти черты отдаленного местного социума показывают, что социальный порядок, характерный для центра социального ландшафта (особенно для центральных и столичных городов), не проникает или проникает частично в отдаленные сообщества, где формируются местные ценностно-нормативные условия социальной жизни.

Вместе с тем территориальная отдаленность общности с альтернативными ценностями, нормами и моделями поведения — не определяющий признак периферии социального ландшафта. Общность может располагаться в крупном или столичном городе и при этом находиться на периферии социального ландшафта. О ее перифе-

рийном статусе свидетельствуют иные, альтернативные государственным, нормы, ценности и модели социального поведения. Иллюстрацией к данному тезису могут служить сообщества иностранных трудовых мигрантов из мусульманских стран, которые существуют в крупных городах России в виде диаспор и национально-культурных автономий. Исследования, проведенные под руководством автора, показывают, что представители данных сообществ разделяют сферы своей жизни, в которых приоритет имеют религиозные нормы, и сферы, в которых на первом месте находятся нормы, установленные государством. Так, нормы мусульманской религии (законы шариата) многие мусульмане считают более важными, чем нормы государства, в сферах семейных отношений, воспитания детей и в общении с представителями своей национальности. Государственные установления признаются основными в общении с коллегами, в отношениях с представителями других религий и в повседневных контактах в общественных местах — магазинах, в общественном транспорте, на улице. В сферах, где более актуальными являются нормы мусульманской религии, влияние государства ослабевает. Эти сферы представляют собой своего рода периферию государственного влияния в социальном пространстве региона и могут продуцировать не соответствующие государственным нормам модели социального поведения. Наиболее значительное преобладание норм религии, по мнению многих мусульман, должно иметь место в семейных отношениях. Это означает, что отношения в мусульманской семье на сегодняшний день остаются относительно труднодоступной сферой для государственного регулирования.

Можно привести достаточное количество других примеров социальных общностей и групп, иллюстрирующих периферию социального ландшафта, — молодежные субкультуры с контркультурной направленностью, криминальные группы и организации, религиозные общности, теневые экономические структуры и пр.

Периферия может существовать в любой точке социального ландшафта в виде альтернативных

государственным нормам нормативно-ценностных структур и практик. Этот социальный факт мы обозначили словосочетанием «сопротивление социального ландшафта», вынесенным в заглавие статьи. Сопротивление состоит в том, что нормы и ценности, которые вырабатывает и транслирует центр социального ландшафта и которые выступают основой социального порядка общества, встречают барьеры в виде альтернативных ценностно-нормативных структур различных общностей и групп, препятствующих их распространению. Центр транслирует общие нормативные установления — законы, ценности, правила, адресованные всем социальным акторам — членам данного общества. Эти нормы четко сформулированы, отражены в нормативных документах и предназначены к применению в социальном пространстве общества в целом. Периферия социального ландшафта сопротивляется проникновению этих установлений и выражает разнообразие ценностно-нормативных структур и практик, зачастую уникальных, характерных для отдельных общностей и групп. Можно сказать, что оппозиция «центр — периферия» синонимична оппозиции «унификация — разнообразие» социального ландшафта. В центре социального ландшафта формируется единая идентичность, связанная с государством, единая система коммуникации (язык), общие практики социализации, общие культурные стандарты. Периферия, напротив, характерна полиидентичностью, сосуществованием различных систем коммуникации и отсутствием единого культурного стандарта.

Таким образом, центр и периферия — основные структурные компоненты социального ландшафта. Вновь представим себе условного наблюдателя, который перемещается в социальном пространстве подобно путешественнику, меняющему свое положение в географическом пространстве. Условный наблюдатель попадает в разные участки социального ландшафта, испытывая влияние различных ценностно-нормативных условий, что, в свою очередь, приводит к изменению его социального статуса и модели социального поведения. Так, переехав из мегаполиса в деревню, наблюдатель сталкивается с

тем, что его социальные статусы и модели поведения, которые он реализовывал в городе, в деревне оказываются неактуальными ввиду иной ценностно-нормативной организации социальных отношений. Он вынужден менять поведение согласно требованиям этой организации — «рельефа» того участка социального ландшафта, в котором он оказался.

С позиции тезиса Дж. Скотта, центр и периферия социального ландшафта ассоциируются с цивилизацией и варварством, где центр выступает воплощением государственности и цивилизационного развития, а периферия есть воплощение варварства и выражает альтернативные ценностно-нормативные структуры и практики, выходящие за пределы государственных установлений. В данном прочтении варварство как социальное явление возникает в результате сознательного выбора социальной общностью иных, альтернативных государственным, ценностей, идентичности, образа жизни и социальной структуры [16, с. 32, 183]. По отношению к общим государственным нормам варварство представляет собой девиацию, поведение варвара не соответствует общепринятым нормам и ценностям, противоречит доминирующим в обществе взглядам [13, с. 9]. В целом для современного варварства характерны такие черты, как слабая ориентация на государственные законы, преимущественная роль местных локальных норм и правил, повышенный уровень девиации, подвижный и изменчивый социальный порядок, детерминированный стихийно складывающимися практиками социальной жизни.

Подчеркнем, что при всех отличиях области цивилизованности и варварства в социальном ландшафте являются взаимодополнительными и выполняют по отношению друг к другу определенные функции. Цивилизация нуждается в варварах так же, как варвары — в цивилизации. Иными словами, при отсутствии периферии (чисто умозрительном, т. к. периферия есть в любом социальном ландшафте) центр социального ландшафта утрачивает собственную идентичность, т. к. не противопоставлен никаким иным ценностно-нормативным структурам. Под-

держание социокультурной идентичности — одна из базовых функций центра и периферии. Здесь реализуется классическая оппозиция «свой — чужие». Идентичность акторов, действующих в областях цивилизованности в социальном ландшафте, противопоставлена идентичности варваров как общностей, ориентирующихся на другие нормы, ценности, маркированные другими нарративами и символами. Так же идентичность акторов, находящихся на периферии социального ландшафта, поддерживается в противопоставлении с идентичностью центра. Так, эффектом миграционных процессов становится формирование этносоциальных общностей иностранных мигрантов в принимающем обществе, в которых представители какого-либо народа культивируют и сохраняют свои этнокультурные ценности, нормы, воспроизводят традиционный для них образ жизни или его значимые элементы. В таких общностях зачастую поддерживаются модели поведения, существенно отличающиеся от норм и ценностей принимающего общества. Подобные общности выступают периферией по отношению к общим законам и правилам, культурным нормам и ценностям общества. Как показывают исследования, чем более существенны различия между культурами принимающего общества и этносоциальных иную культурных общностей, тем больше социальная дистанция между коренными жителями и иностранными мигрантами, тем сильнее разрыв между центром и периферией в данном социальном ландшафте и тем сильнее сопротивление периферии социализирующему влиянию норм и ценностей центра.

Вместе с тем такое сопротивление социального ландшафта мотивирует государство к тому, чтобы формировать у социальных акторов идентичность, связанную с принадлежностью к цивилизующему центру социального ландшафта — общегражданским нормам и ценностям. Укрепление общегражданской идентичности — еще одна значимая функция, обусловленная центр-периферийной полярностью социального ландшафта, наличием в нем областей цивилизованности и варварства. Для существования и развития центра социаль-

ного ландшафта (ассоциированного с государством) необходимо, чтобы в структуре идентичности социальных акторов общегражданская идентичность обладала более высоким уровнем значимости по сравнению с другими идентичностями — этнической, религиозной, территориальной и т. д. Иллюстрацией этой функции может служить реализующаяся в России федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». Она нацелена на укрепление гражданского и духовного единства российской нации, укрепление единства многонационального народа Российской Федерации [24].

Следующая функция, обусловленная существованием областей варварства в социальном ландшафте, — укрепление и развитие форм социального контроля в областях цивилизационного развития (центре социального ландшафта). Государство содержит аппарат формального социального контроля, необходимость которого обоснована риском распространения девиаций из периферийных областей социального ландшафта. Иными словами, социальный контроль в данном случае — средство защиты центра социального ландшафта от нашествия современных варваров, способных разрушить ценностно-нормативные структуры, на которых основан социальный порядок центра. Этот риск (реальный или умозрительный) приводит к постоянному совершенствованию форм контроля в центре социального ландшафта, которые внедряют дополнительные, основанные на современных технологических решениях способы регулирования социального поведения акторов. Примером может выступить так называемая система социального доверия (социального рейтинга), которая используется в Китае [6, 12]. Чем выше риски, исходящие из периферии социального ландшафта, тем более жестким (при прочих равных условиях) становится социальный контроль в его центре.

Наряду с этим в отношениях между центром и периферией реализуется функция социального обмена. Она состоит в том, что периферия предоставляет дополнительные возможности для акторов, действующих в центре социального ланд-

шафта, по удовлетворению их потребностей и достижению их целей, которые не соответствуют государственным нормативным установлениям. Поскольку периферия связана с феноменом социального варварства, то дополнительные возможности, которые она предоставляет, как правило, выражены в различных формах девиантного поведения. Так, явление коррупции, от которого не свободно ни одно общество, представляет собой пример отношений обмена между центром и периферией в социальном ландшафте. В момент, когда чиновник принимает взятку, обещая содействие в решении каких-либо вопросов, он действует как социальный варвар, приобретает статус девианта и перемещается из центра социального ландшафта на периферию. Сращение криминальных и государственных структур в различных государствах иллюстрирует сотрудничество между акторами центра и периферии, суть которого состоит в обмене желаемыми благами для удовлетворения соответствующих потребностей.

Посмотрим с точки зрения изложенной в статье теоретической перспективы на современные социальные процессы. Современный этап развития человеческих обществ многие авторы определяют как переход к постсовременному состоянию, для которого характерны кризис вертикальной системы социального управления, сочетание организованности и беспорядка, реальности и виртуальности, рациональности и иррациональности [22, с. 59]. З. Бауман характеризует современный этап развития общества как «текучую современность», которая связана с распространением внесистемных социальных взаимодействий, нормативно не обусловленных, формирующихся в локальных сообществах [2]. Дж. Урри говорит о современном этапе как о «постсоциетальной фазе» развития социального, которая состоит в переходе от обществ к мобильностям, от устойчивых социальных конструкций к различным видам движения социальной материи [22]. Эти черты свидетельствуют о характерных изменениях социального ландшафта современного общества, которые связаны с экспансией периферии и сужением влияния центра.

Данный процесс сопровождается размыванием метанарративов — больших ценностно-нормативных структур, которые культивируются в основных социальных институтах общества и определяют общегражданскую идентичность социальных акторов, их приверженность общим для данного общества нормам и ценностям. На смену метанарративам приходят локальные ценностно-нормативные структуры и идентичности, формирующиеся в местных сообществах. Наблюдается ослабление общих стандартов организации социальной жизни, которые замещаются плюрализмом культур и ценностных систем. Л. Г. Ионин охарактеризовал этот процесс как «восстание меньшинств», которое является движением к новым формам социальной организации [10]. Г. Стэндинг обратил внимание на появление в социально-экономическом поле социального пространства современных обществ «нового опасного класса» — прекариата [21]. В политической сфере, в особенности в сфере международных отношений, в последние годы наблюдается тенденция ослабления влияния общих организационных структур, международных организаций и переход к одностороннему поведению отдельных государств, на что указывают многие эксперты в ходе международных конференций.

В этих и им подобных чертах современного этапа развития обществ прослеживается *тренд варваризации и свертывания цивилизационного пространства* в социальном ландшафте обществ. Спротивление социального ландшафта существенно возрастает, меняя характеристики социального пространства. Этот тренд несет с собой рост уровня девиаций различных видов, мозаичность и фрагментарность социальных идентичностей и моделей поведения, снижение возможностей управления обществами, размывание общих ценностно-нормативных структур. Каковы перспективы такого движения? Следует ли ожидать победу варваров и конец цивилизации? Или изменится способ осмысления социальной реальности — произойдет отказ от устаревшего государственноцентричного дискурса, в котором обсуждается оппозиция центра и пе-

риферии, и сформируется новое теоретизирование относительно складывающейся реальности? Но если речь идет о новом осмыслении, то каком? Как трансформируется центр-периферийная структура социального ландшафта в ходе размывания центричности цивилизации? Или трансформируется сознание рефлексирующего субъекта? Эти вопросы становятся актуальными при таком рассмотрении современных социальных процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Умножаем ли мы сущности, обсуждая понятие социального ландшафта? Возможно. Вместе с тем использование этого понятия в научной литературе является фактом, а следовательно, его содержание требует теоретической рефлексии. Наряду с этим у понятия социального ландшафта есть потенциал, связанный с возможностью анализа ценностно-нормативных условий существования обществ и их трансформации.

Сформулируем итоговые утверждения. Определяющим социальный ландшафт признаком выступает ценностно-нормативная структура, которая регулирует социальные отношения акторов, действующих в социальном пространстве конкретной локации.

Социальный ландшафт обладает центр-периферийной полярностью, где центр связан ценностно-нормативными установлениями государства, а периферия выражена в виде множественных альтернативных ценностно-нормативных структур, формирующихся в местных локальных сообществах. Центр социального ландшафта предполагает унифицированный характер норм и ценностей, закрепленных формально, периферия демонстрирует разнообразие ценностно-нормативных структур.

Центр социального ландшафта ассоциируется с цивилизацией и цивилизационным развитием, периферия — с варварством в его современном прочтении как альтернативных ценностно-нормативных структур и практик, выходящих за пределы государственных установлений. Области варварства в социальном ландшафте связаны с повышенным уровнем девиации и несут в себе

риск разрушения ценностно-нормативных структур центра.

Сопrotивление социального ландшафта состоит в существовании барьеров для распространения ценностно-нормативных установлений центра в периферийные области. Барьеры связаны с наличием альтернативных ценностей и моделей социальной жизни в периферийных областях социального ландшафта, а также с ос-

лабленным социальным контролем за исполнением государственных установлений.

Области варварства и цивилизации в социальном ландшафте находятся в отношениях взаимодополнительности и выполняют ряд необходимых функций по отношению друг к другу — формирование и поддержание социокультурной идентичности, укрепление и развитие форм социального контроля, функцию социального обмена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасарьян Н. Г. Инженерная элита в постнеклассическую эпоху: смена парадигмы деятельности / Н. Г. Багдасарьян, С. С. Колосков // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2015. № 11 (37). URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/socio/322.html>
2. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман; пер. с англ.; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 540 с.
3. Бурдье П. Социология социального пространства / П. Бурдье; пер. с франц., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн; пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. канд. полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
5. Василенко В. И. Анализ миграционных процессов в условиях глобализации / В. И. Василенко, М. Ю. Штанько // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. Вып. 3 (22). С. 147-155.
6. Галиуллина С. Д. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего / С. Д. Галиуллина, М. Г. Бреслер, А. Р. Сулейманов, А. А. Рабогошвили, Н. Н. Байрамгулова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 4 (26). С. 114-120.
7. Дирин Д. А. Основные подходы к исследованию культурных ландшафтов в российской культурной географии / Д. А. Дирин // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 24-37.
8. Зборовский Г. Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен / Г. Е. Зборовский // Социум и власть. 2010. № 4 (28). С. 11-20.
9. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1-12.
10. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств / Л. Г. Ионин. М.; СПб.: Университетская книга, 2012. 237 с.
11. Исаченко Г. А. Ландшафтные и социальные границы: две стороны взаимодействия (северо-запад европейской России) / Г. А. Исаченко, А. И. Резников // Информационный бюллетень РФФИ № 7. 1999.
12. Кириллов А. Как работает система социального доверия в Китае / А. Кириллов // ТАСС. 2018. 29 мая. URL: <https://tass.ru/opinions/5225841>
13. Малашенко А. В. Современное варварство: причины и следствия / А. В. Малашенко, Ю. А. Нисневич, А. В. Рябов // Полития. 2018. № 2 (89). С. 6-22.
14. Скорик А. П. Инсталляция современного казачества в социальном ландшафте российского общества / А. П. Скорик // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г.) / отв. ред. В. Н. Ратушняк. Краснодар, 2012. С. 235-242.
15. Скотт Дж. Искусство безгосударственной жизни: устная традиция, письменность, тексты / Дж. Скотт // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2017. Том 17. № 3. С. 267-288.
16. Скотт Дж. Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Дж. Скотт; пер. с англ. М.: Новое издательство, 2017. 568 с.

17. Современные международные отношения: учебник / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Малыгина. М.: Аспект Пресс, 2017. 688 с.
18. Соколова Т. В. Социальный ландшафт постсоветского пространства в контексте процессов глобализации современного мира / Т. В. Соколова // Социальные факторы постсоветской интеграции. Сер. «Международные экономические и политические исследования» / Российская академия наук, Институт экономики. М., 2010. С. 221-241.
19. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
20. Социальный порядок в контексте современности: проблемы существования и развития: монография / науч. ред. Д. Д. Невирко. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 176 с.
21. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
22. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри; пер. с англ. Д. Кралечкина. Нац. исслед. ун-т. «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
23. Уфимцева Е. И. Социальный ландшафт религиозной социализации старшего поколения / Е. И. Уфимцева // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам VI Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ» (19-20 сент. 2016 г.). С. 205-211.
24. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» 2014-2020 годы. Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718. URL: <http://docs.cntd.ru/document/499040473>
25. Шумкин Г. Н. Социальные ландшафты Российской империи в середине XIX века / Г. Н. Шумкин, Т. Г. Шумкина // Вопросы всеобщей истории. 2017. № 19. С. 312-322.
26. Ferguson S. J. Mapping the Social Landscape: Readings in Sociology / S. J. Ferguson. SAGE Publications, 2017. 712 pp.
27. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela / J. Friedmann. MIT Press, 1966. 279 pp.
28. Livingstone S. The changing social landscape / S. Livingstone // Handbook of New Media: Social Shaping and Social Consequences of ICTs / L. A. Lievrouw, S. Livingstone (eds.). London, UK: Sage, 2002. Pp. 17-21.
29. Picturing the Social Landscape. Visual Methods and the Sociological Imagination / P. Sweetman, C. Knowles (eds.). London: Routledge, 2004. 216 pp.
30. Rokkan S. The center-periphery polarity / S. Rokkan // Center Periphery Structures in Europe: An ISSC Workbook in Comparative Analysis. Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus verl., 1987. Pp. 17-50.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-8-22

UDC 316.33

The resistance of the social landscape: “barbarism” and “civilization” in the social space

Dmitry O. Trufanov

Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociology,
Institute of Education, Psychology and Sociology,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-5946-7479; WoS ResearcherID: AAJ-6463-2020
dtrufanov@sfu-kras.ru

Abstract. This article discusses the concept of “social landscape” and studies the structure of the social landscape and its elements’ functions. The author analyzes the relationship between the concepts of “geographical landscape”, “socio-cultural landscape”, and “social landscape”. The defining feature of the social landscape is the value-normative structure that regulates the social relations of actors who act in the social space of a particular location. Changing this structure leads to the movement of the social landscape and its transition from one state to another. In the social landscape, the author identifies such structural elements as the center and the periphery, where the center is associated with the value-normative institutions of the state, and the periphery is expressed in the form of multiple alternative value-normative structures and identities that are formed in local communities. From the position of state-centered discourse, the center of the social landscape is associated with civilization and civilizational development, while the periphery is associated with barbarism in its modern interpretation. Barbarism in social space is a set of practices of social behavior caused by alternative value-normative structures that go beyond state institutions. Areas of barbarism in the social landscape are associated with an increased level of deviation, weakened social control, and weak penetration of state norms and values. Such areas carry risks of destruction of value-normative structures of the center of the social landscape. The resistance of the social landscape is a barrier of communication that prevents the penetration of value-normative structures of the center in the peripheral areas. Barriers are associated with the existence of alternative state value-normative structures and identities. The areas of barbarism and civilization in the social landscape are in a relationship of complementarity and perform a number of necessary functions in relation to each other. Such functions are the formation and maintenance of socio-cultural identity, strengthening and development of forms of social control, and the function of social exchange.

Keywords: social structure, social space, social landscape, value-normative structures, center-peripheral polarity, barbarism and civilization, social identity.

Citation: Trufanov D. O. 2020 ‘The resistance of the social landscape: “barbarism” and “civilization” in the social space’. *Siberian Socium*, vol. 4, no. 1 (11), pp. 8-22. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-1-8-22

REFERENCES

1. Bagdasaryan N. G., Koloskov S. S. 2015. 'Engineering elite in Postnonclassical Era: activity paradigm shift'. *Humanities Bulletin of BMSTU*, no. 11 (37). <http://hmbul.ru/catalog/hum/socio/322.html> [In Russian]
2. Bauman Z. 2008. *Liquid Modernity*. Translated from English; edited by Yu. V. Asochakov. St. Petersburg: Piter. 540 pp. [In Russian]
3. Bourdieu P. 2007. *Sociology of Social Space*. Translated from French; the translation edited by N. A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteya. 288 pp. [In Russian]
4. Wallerstein I. 2001. *Analysis of World Systems and the Situation in the Contemporary World*. Translated from English by P. M. Kudyukin; edited by B. Yu. Kagarlitsky. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 416 pp. [In Russian]
5. Vasilenko V. I., Shtanyko M. Yu. 2013. 'Analysis of migration processes under globalization'. *Questions of National and Federative Relations*, no. 3 (22), pp. 147-155. [In Russian]
6. Galiullina S. D., Bresler M. G., Suleymanov A. R., Rabogoshvili A. A., Bayramgulova N. N. 2018. 'Social lending system in China as an element of the digital future'. *Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*, no. 4 (26), pp. 114-120. [In Russian]
7. Dirin D. A. 2015. 'The main approaches to the study of cultural landscapes in Russian cultural geography'. *Social and Economic Geography. Bulletin of the Association of Russian Geographers — Social Scientists*, no. 4, pp. 24-37. [In Russian]
8. Zborovsky G. E. 2010. 'The regional social space as a sociological phenomenon'. *Society and Power*, no. 4 (28), pp. 11-20. [In Russian]
9. Simmel G. 2002. 'The Metropolis and Mental Life'. *Logos*, no. 3 (34), pp. 1-12. [In Russian]
10. Ionin L. G. 2012. *Rise of the Minorities*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 237 pp. [In Russian]
11. Isachenko G. A., Reznikov A. I. 1999. 'Landscape and social boundaries: two sides of interaction (north-west of European Russia)'. *RFBR Newsletter*, no. 7. [In Russian]
12. Kirillov A. 2018. 'How the system of social trust in China works'. TASS. 29 May. <https://tass.ru/opinions/5225841> [In Russian]
13. Malashenko A. V., Nisnevich Yu. A., Ryabov A. V. 2018. 'Modern barbarism: reasons and consequences'. *Politeia*, no. 2 (89), pp. 6-22. [In Russian]
14. Skorik A. P. 2011. 'Installation of the modern Cossacks in the social landscape of Russian society'. *Proceedings of the All-Russian Research Conference "Russian Cossacks: History, Problems of Revival and Development Prospects" (October)*. Edited by V. N. Ratushnyak. Pp. 235-242. Krasnodar. [In Russian]
15. Scott J. 2017. 'The art of not being governed: orality, writing, and texts'. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 17, no. 3, pp. 267-288. [In Russian]
16. Scott J. 2017. *The Art of Not Being Governed. An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. Translated from English by I. V. Trotsuk. Moscow: Novoe izdatelstvo. 568 pp. [In Russian]
17. Torkunova A. V., Malygina A. V. (eds.). 2017. *The Handbook of Contemporary International Relations*. Moscow: Aspekt Press. 688 pp. [In Russian]
18. Sokolova T. V. 2010. 'Social landscape of the post-Soviet space in the context of globalization processes of the contemporary world'. In: *Social Factors of Post-Soviet Integration. Series "International Economic and Political Studies"*, pp. 221-241. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Economics. [In Russian]
19. Sorokin P. A. 1992. *Person. Civilization. Society*. Edited and foreword by A. Yu. Sogomonov; translated from English. Moscow: Politizdat. 543 pp. [In Russian]
20. Nevirko D. D. (ed.). 2017. *Social Order in the Context of Modernity: Problems of Existence and Development*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 176 pp. [In Russian]

21. Standing G. 2014. *The Precariat: The New Dangerous Class*. Moscow: Ad Marginem Press. 328 pp. [In Russian]
22. Urry J. 2012. *Sociology beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. Translated from English by D. Kralachkin. Moscow: Publishing. House of the Higher School of Economics. 336 pp. [In Russian]
23. Ufimtseva E. I. 2016. 'Social landscape of religious socialization of the older generation'. Proceedings of the 6th International Research Conference "Sociology of Religion in the Society of the Late Modern" (19-20 September, Belgorod), pp. 205-211. Belgorod State University [In Russian]
24. RF Federal target program "Strengthening the unity of the Russian nation and the ethnocultural development of the peoples of Russia" 2014-2020. Approved by the RF Government Decree of 20 August 2013 No. 718. <http://docs.cntd.ru/document/499040473> [In Russian]
25. Shumkin G. N., Shumkina T. G. 2017. 'Social landscapes of the Russian empire in the mid-nineteenth century'. *Issues of World History*, no 19, pp. 312-322. [In Russian]
26. Ferguson S. J. 2017. *Mapping the Social Landscape: Readings in Sociology*. SAGE Publications. 712 pp.
27. Friedmann J. 1966. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press. 279 pp.
28. Livingstone S. 2002. 'The changing social landscape'. In: Lievrouw L. A., Livingstone S. (eds.). *Handbook of New Media: Social Shaping and Social Consequences of ICTs*, pp. 17-21. London, UK: Sage.
29. Sweetman P., Knowles C. (eds.). 2004. *Picturing the Social Landscape. Visual Methods and the Sociological Imagination*. London: Routledge. 216 pp.
30. Rokkan S. 1987. 'The center-periphery polarity'. In: *Center Periphery Structures in Europe: An ISSC Workbook in Comparative Analysis*, pp. 17-50. Frankfurt a. M.; N.Y.: Campus verl.